

«Приобретение сие важно...»

Присоединение Крыма в 1783 и 2014 годах:
исторические параллели

Заниматься историей в общем-то и означает — искать аналогии. Нас привлекает прошлое в той мере, в которой оно помогает понять, что происходит сегодня. Обществам и государствам часто свойственно повторяться независимо от эпохи, уровня развития, социального строя. Особенно если речь идет об одних и тех же территориях. Во всяком случае, сейчас мне кажется именно так.

С самого начала крымского кризиса не было недостатка в поисках аналогий. Сначала, правда, когда Верховный Совет Крыма назначил премьером Сергея Аксенова, преобладали литературные ассоциации; затем вспомнили об аншлюсе Австрии; а еще позже — о Крымской войне. Интересно, что задача сравнить то, что происходило во время «русской весны» 2014-го, с тематически ближайшим — присоединением Крыма при Екатерине II, возникла позже всего. А между тем, даже поверхностное знакомство с происходящим сегодня поражает сходством с тем, что имело место почти два с половиной века назад.

Внезапность, Потемкин и референдум

Первое, что бросается в глаза при сопоставлении событий 1783 и 2014 годов, это неожиданность происшедшего. Выступая в апреле 2014-го на встрече с членами Общероссийского народного фронта, в которой участвовал и я, президент Путин, объясняя мотивы своих недавних решений по Крыму, сказал: «Мы ведь не планировали это заранее...» Накануне первого присоединения точно так же игрался совсем другой сценарий. Вступая в войну с Турцией и ее вассалом Крымом в 1768 году, Екатерина II определила свою политику относительно Крымского ханства как направленную не на присоединение полуострова к России, а на создание независимого от Порты татарского государства.

МАЛЬГИН Андрей Викторович — российский журналист, литературовед, литературный критик, издатель.

В основу настоящей статьи положен текст доклада, прочитанного на Международной ассамблее «Русский Крым. Историко-цивилизационные корни» 12–13 мая 2014 года в Ливадии. Автор благодарит профессора С. В. Юрченко за ценные мысли, высказанные во время обсуждения.

Ключевые слова: Крым, Россия, Турция, Екатерина II, русско-турецкие войны, США, Англия, Франция, исторические параллели, смысл истории.

Такая позиция определялась двумя обстоятельствами: невозможностью собирать налоги с татар как с подданных и опасением «предсуждения» со стороны европейских держав таким небывалым расширением России. Немалое значение имело, конечно, и желание Екатерины расположить к себе обещанием независимости и покровительства крымско-татарскую знать. Более десяти лет императрица придерживалась этой политики, поддерживая возведенного ею на престол крымского хана Шагин-гирея и истратив на это огромную сумму в 12 миллионов рублей. Однако, когда в 1782 году против хана вспыхнуло очередное восстание его подданных, заставившее его бежать в Таганрог (приблизительно туда же, в Ростов, бежал 21 февраля 2014 года украинский президент В. Янукович), светлейший князь Г. А. Потемкин предпринял невероятные усилия для того, чтобы убедить императрицу отойти от первоначальной политики и вместо поддержки протектората над Крымом присоединить его к России непосредственно. Он написал ей свою знаменитую записку «О Крыме», где привел аргументы, не потерявшие своей актуальности и поныне.

Многие, и я в том числе, ожидали от Путина в марте 2014-го также либо поддержки широкой автономии Крыма в составе Украины, либо «абхазского» и «югоосетинского» варианта. Но произошло иначе. Почему? Объяснений может быть несколько. Но до конца мы этого сегодня не знаем. Возможно, ключевую роль сыграл в общем-то неудачный опыт взаимодействия с «серыми зонами» в виде непризнанных государств; возможно, такое решение предопределили общественные настроения в Крыму и исключительная важность Севастополя как военной базы, также, как и обостренное восприятие угроз, которое нес с собой украинский кризис.

Второй момент, сближающий екатерининское и путинское присоединения, — это, безусловно, их бескровный характер. И в 1783, и в 2014 годах ключевую роль сыграли «вежливые люди». Инструкции командующему крымским корпусом генералу Дебальмену предписывали особенное старание, дабы войска не чинили никаких обид крымским обывателям. И одна, и другая операции были исключительно хорошо исполнены с военно-политической точки зрения, не приведя к человеческим жертвам. Еще один важный момент в отношении организации — это секретность. Американцы, слушавшие крымский эфир, ничего не знали о намерениях русских. В тайну же операции 1783 года не был посвящен даже российский посол в ханстве П. П. Веселицкий (недавний генконсул в Симферополе В. Л. Светличный, кажется, тоже). Когда Шагин после возвращения с русскими войсками в Крым внезапно отказался от престола, посол и прибывший ему на смену консул С. Л. Лашкарев предприняли невероятные усилия, дабы убедить взять назад это (столь соответствующее интересам русской политики) намерение, — Потемкину пришлось останавливать служебное рвение дипломатов...

Наконец третий момент — это роль народного волеизъявления, референдум. Мало кто знает, что, когда Екатерина подписала 8 апреля 1783 года Манифест о принятии Крыма, Тамани и Кубанской стороны, он был переведен (также секретно от иностранной коллегии) на татарский язык Якубом Рудзевичем, сразу же запечатан в обитый железом ящик и под строгой охраной отправлен Потемкину. Опубликован он был только в июле 1783-го, спустя три месяца после подписания. Почему? Потому что прежде, чем объявить о присоединении Крыма, Потемкин должен был получить результат

всенародного волеизъявления, без которого акт не имел достаточной легитимности; ведь в данном случае не действовало главное право феодальной Европы — право завоевания. В 1783 году Россия не воевала.

Тогда, понятно, референдумы не проводились. Волеизъявление выражалось в присяге знати на верность новому сюзерену. До июня Потемкин занимался тем, что уговаривал татарских мурз подписать присяжные листы императрице Екатерине. Они не особенно возражали, но и не торопились. Дело в том, что последний хан Шагин-гирей не пользовался никаким успехом у подданных. Воображая себя татарским Петром Великим, он, взойдя на престол, затеял целую серию европейских реформ, которые производил с горячностью и неумеренным рвением. Непривыкшие к новшествам татары дважды восставали против своего монарха и соглашались перейти даже в русское подданство, лишь бы не терпеть более над собой причуды Шагина. Однако отрекшийся от престола (также не зная о Манифесте) хан укрылся в Тамани и никак не хотел покидать территорию ханства. Мурзы более всего опасались, что Россия, приняв их в подданство, вновь поставит над ними Шагина. Лишь когда консулу Лашкареву удалось отправить бывшего хана в Воронеж, присяга состоялась. Екатерина очень беспокоилась о миссии Потемкина, высказывая неудовольствие, поскольку светлейший не спешил информировать ее о происходящем на Юге.

У Путина не было запечатанного в железном ящике манифеста, поэтому референдум 16 марта значил гораздо больше. За две недели до референдума был проведен социологический опрос, который дал общую картину общественных настроений. Референдум в целом подтвердил ее. Как явствует из слов президента Путина, лишь после этого он принял окончательное решение.

Признание Америки и цена германской ориентации

Сравнение международных контекстов присоединений 1783 и 2014 годов дает нам более сложную картину. Прямых аналогий не так уж и много, зато можно делать выводы относительно незадействованных еще внешнеполитических ресурсов. Но несомненно, что в одном и в другом случае исключительно велика роль Соединенных Штатов — правда она совершенно различна. Как мы помним, начиная в 1768 году войну с Османской империей, Екатерина II всерьез и небезосновательно опасалась, что столкнется с противодействием западных стран, обеспокоенных новым расширением и без того обширной империи. В 1783-м эти опасения были не столь значительны. Почему?

Дело в том, что начиная с 1776 года (когда позиции России в Крыму были поколеблены внезапным захватом ханского престола Девлет-Гиреем) ведущие европейские державы — прежде всего Англия и Франция — были отвлечены выяснением отношений по поводу кризиса, возникшего за тысячи миль от Европы. В том году североамериканские колонии Англии провозгласили свою независимость от английской короны. Борьбу восставших поддержала Франция, и в течение нескольких лет самым могущественным государствам Европы было не до восточноевропейских проблем. Англия попыталась заручиться поддержкой Екатерины, и одно время американские колонисты с беспокойством ожидали вторжения в Штаты 20-тысяч-

ного русского корпуса. Но Россия не была заинтересована в такой помощи. Напротив, в 1780 году Екатерина выдвинула инициативу так называемого вооруженного нейтралитета. Он заключался в создании по русской инициативе международного союза нейтральных держав для защиты своих кораблей, направлявшихся с товарами в воюющие страны.

Эта инициатива была прежде всего по Англии, но «владычица морей» не могла оказать этой инициативе какого-либо противодействия. «Вооруженный нейтралитет» в значительной степени содействовал завоеванию США независимости. В 1783 году Екатерина потому еще торопилась с присоединением Крыма, что длительная война в Америке подходила к концу, и развязанные руки Англии и Франции могли вновь протянуться к Восточной Европе. Кстати, вывод американских войск из Афганистана был запланирован на 2015 год...

Второй составляющей внешнеполитического успеха «крымской» операции Екатерины II были перемены в ее германской политике. Всю первую половину своего царствования Екатерина ориентировалась на Пруссию как на ближайшего союзника. Союз с Пруссией был частью того направления внешней политики России, которое было разработано главой внешнеполитического ведомства России графом Н. И. Паниным и носило название «Северная система», или «Северный аккорд». Союз с Пруссией позволял России сдерживать устремления как Франции, так и Англии — двух самых мощных европейских держав, господствовать в Польше и диктовать свои условия Швеции. Но для продвижения на Юге, к которому переходит Россия со сменой поколений в ее элите, союз с престарелым Фридрихом II терял смысл.

В 1780-м, когда на смену Панину в определении контуров внешней политики России приходят Потемкин и малороссийский выходец А. А. Безбородко, Екатерина II обращается к союзу с другим германским государством — Австрийской империей Габсбургов. Австрия, как и Россия, была заинтересована в расширении на Юге и, соответственно, претендовала на часть османского наследства. В то же время она ревниво наблюдала за русским продвижением в регионе. Австрийская императрица Мария-Терезия воспринимала Екатерину как важную соперницу. С ее смертью Екатерина II решает договориться с ее сыном, императором Иосифом II. Предмет договоренностей — раздел сфер влияния и согласование действий по отношению к территориям ослабевшей Османской империи. Так родился знаменитый «Греческий проект» Екатерины (план совместного раздела европейских османских владений), созданный во многом для того, чтобы заинтересовать Иосифа в содействии России на Юге. Именно благодаря этому содействию присоединение Крыма прошло, что называется, «без сучка и задоринки».

В отличие от XVIII века, в сегодняшней ситуации у России на Западе не оказалось друзей; поэтому в этом аспекте аналогии с екатерининским временем выглядят не в пользу современности. Действительно, США и страны ЕС выступили против действий России единым фронтом; таким образом, Путину не удалось избежать того, чего опасалась и что счастливо миновала Екатерина. Почему это произошло — достаточно ясно. В этом плане интересно было бы оценить, как могут развиваться подходы Запада и останутся ли они едиными в перспективе. В 1783 году дей-

ствия Екатерины облегчали два момента: отвлечение главных игроков на ситуацию североамериканского кризиса и наличие союзника, заинтересованного в помощи России.

Отвлечение главных игроков сегодня также возможно лишь в результате гипотетического возникновения нового серьезного кризиса. Зона, где такой кризис уже наличествует, — Ближний Восток, однако здесь он перешел из острой в хроническую фазу и не требует больших дополнительных сил и ресурсов Запада. Другое дело — возможный кризис на Дальнем Востоке (Корейский полуостров) или, например, в Турции (и/или Азербайджане?). Вполне можно прогнозировать, что растущее недовольство Эрдоганом может вылиться в серьезное противостояние, в которое несомненно окажется втянутым Запад. В перспективе оно способно существенно изменить ситуацию в Северном Причерноморье.

Еще один момент. Действия России в конце XVIII века облегчались позицией Австрии, которая, находясь под прусским давлением, была заинтересована в содействии России на польском и османском направлениях и поэтому охотно шла на сближение с ней. В свою очередь Фридрих II также был заинтересован в русском союзе и не противодействовал реализации планов Екатерины II. Гипотетически подобная ситуация партнерства между Россией и ЕС могла бы возникнуть в ходе урегулирования кризиса на Украине — в том случае, естественно, если бы российской стороне удалось убедить Европу рассматривать нестабильность на Украине как явление, имеющее собственные причины и корни, а не как следствие вмешательства России в Крым.

Здесь мы подходим к третьей группе аналогий двух отстоящих во времени на два с половиной века ситуаций.

Конфедераты, федералисты и святой Георгий

Историки склонны рассматривать приобретение Россией Крыма в конце XVIII века в первую очередь как результат давних русско-османских противоречий и стремления России добиться выхода к Черному морю. Но в не меньшей, а, возможно, и в большей степени присоединение Крыма является результатом (хотя и побочным) политики России по отношению к другому соседу — Речи Посполитой, включавшей на *юго-востоке* в свой состав обширные территории современной Украины.

Польша в это время представляла собой шляхетскую демократию с очень слабой королевской властью. Реальным влиянием пользовались земельные магнаты — практически полный аналог современных олигархов, и сложившиеся вокруг них политические группировки. Часть из них ориентировалась на Россию, часть — на различные западные страны. Дворянство безбожно паразитировало на многочисленных украинских крестьянах, большая часть которых, в отличие от их господ-католиков, были православными. Казна была пустой, армия слабой. На богатые, но плохо управляемые земли с алчностью взирали соседи.

В 1763 году Екатерина II решила посадить на польский трон своего ставленника Станислава-Августа Понятовского и тем самым укрепить и обеспечить русское влияние в Польше. Одним из главных требований Екатерины к новому польскому королю было обеспечение прав так называемых дис-

сидентов — православных и протестантов, подвергавшихся притеснениям со стороны католического клира и дворянства. Языковой вопрос здесь не был главным — они требовали уравнивания своего дворянства и духовенства в правах с католическим.

Недовольные уступками Понятовского России в диссидентском деле, представители польской шляхты подняли предусмотренный законодательством мятеж и образовали так называемую Барскую конфедерацию (от названия городка Бар в Подолии на Украине), которая открыла против «*нелегитимного*» короля военные действия. В отличие от современных *федералистов*, конфедераты не требовали изменения государственного устройства, а, напротив, выступали за сохранение своих привилегий.

Православные украинские крестьяне и казаки юго-востока Речи Посполитой не остались в стороне и, создав свои *отряды ополчения*, вооруженные кольями (отсюда название этого восстания «Колиивщина»), принялись в свою очередь резать на Украине шляхту и евреев. Для тушения возникшего пожара Екатерина по согласованию с польским королем направила ему в помощь русские войска. Этой *миротворческой миссией* оказалась, однако, чрезвычайно взбудоражена Турция, которая потребовала вывода русских войск. Когда последнего не произошло, Порты, вступив в союз с конфедератами, объявила России войну.

Военные действия шли на Украине, в Молдавии и Причерноморье. Они были неудачны для турок и наоборот — принесли ошеломляющие успехи русскому оружию. Во ознаменование этих успехов Екатерина II учредила в 1769 году специальный орден — белый крест на *черно-оранжевой* ленте (цвета дома Романовых, а не пламени и дыма — как это стало трактоваться много позднее), в честь св. великомученика Георгия. Первыми офицерами, украсившими свой мундир «колорадской» ленточкой, были те, кто отличился в боях за турецкую крепость Хотин на Украине. Главным результатом этой войны стало отвоевание в 1771 году у Османской империи Крымского полуострова с окрестными землями и провозглашение независимого Крымского ханства, а также основание на его территории первой русской военно-морской базы на Черном море в крепостях Керчь и Еникале. После этого присоединение полуострова к России (через 12 лет) оказалось лишь делом времени. Таким образом, этот результат стал непосредственным следствием польского внутривосточного кризиса.

Часть западных специалистов склонна трактовать крымскую операцию Путина едва ли не как первопричину того, что сегодня происходит на Юге и Востоке Украины. Это все равно, что возводить первый раздел Польши (1772) к завоеванию Крыма, произошедшему за год до того. Совершенно очевидно, что как в одном, так и в другом случае не Крым породил кризис, а напротив — сам стал следствием глубоко и далеко зашедшей дестабилизации на близлежащей материковой территории соответственно Речи Посполитой и современной Украины.

В конце XVIII века Россия не собиралась первоначально присоединять земли на востоке этой страны. Однако, когда Пруссия и Австрия недвусмысленно дали понять, что собираются воспользоваться нестабильностью в соседнем государстве, для того чтобы расширить за его счет свои владения, Екатерина II также посчитала правильным вернуть то, что в свое время было отторгнуто польской короной у Московской державы, а именно — восточ-

ную Белоруссию, где, к слову сказать, практически не было поляков и католиков, и население чрезвычайно страдало от развивавшейся в Польше анархии.

Последняя длилась после этого еще два десятилетия и закончилась двумя разделами этого государства (1793 и 1795 годов), что и положило конец существованию этой некогда могущественной страны.

Окажется ли аналогичной судьба сегодняшней Украины? Если воспринимать исторические аналогии прямо — то, увы, мы должны будем утвердительно ответить на этот вопрос. Кризис в этой стране сегодня носит системный характер, а имеющийся исторический опыт ее власти, населения и элиты оставляет не так много надежд на его скорейшее преодоление. Впрочем, сходство никогда не бывает абсолютным — попробуем успокоить себя и других, помятуя, например, что России пришлось воевать за Крым с 1787-го по 1791 год...

Кризис на Украине сегодня носит системный характер, а имеющийся исторический опыт ее власти, населения и элиты оставляет не так много надежд на его скорейшее преодоление. Впрочем, сходство никогда не бывает абсолютным — попробуем успокоить себя и других, помятуя, например, что России пришлось воевать за Крым с 1787-го по 1791 год...

Не жалеть о бородах...

И наконец, последнее из сферы аналогий. Как известно, екатерининское царствование считается временем, когда на сцену выходит такое явление, как «русская интеллигенция». Так вот, все возражения современных либеральных интеллигентов против возвращения Крыма точь-в-точь напоминают то, что писалось и говорилось критиками екатерининской политики в конце XVIII века. Это и отсутствие достаточной *международной легитимности* аннексии, и неизбежное осложнение внешнего положения страны, и (самое главное для любого настоящего либерала) *высокие материальные издержки* этой акции для бюджета государства и населения. Особенно забавно выглядит в связи с этим реплика автора одного из первых разоблачительных сочинений в адрес действующей власти, имеется в виду написанный в 1786 (1787) году трактат князя М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России».

Порицая «славолюбие» Екатерины II, побуждавшее, по мнению Щербатова, империю к ненужным действиям, он среди прочих ошибок, вызванных стремлением императрицы «войти в историю», говорит и о Крыме и тут же попадает, сам того не понимая, впросак. «Приобрели или, лутче ска-

зять, похитили Крым», — брюзжит старый князь не хуже самого Познера, совсем недавно пенявшего Путину на то, что тот просто-таки «спер» у несчастной Украины плохо лежавший полуостров, и даром взял бы что-то путное, а так — «страну, по разности своего климата служащую гробницею россиянам». Ну откуда было знать в конце XVIII века князю Щербатову, что уже в следующем столетии Крым превратится, и именно благодаря разности (от России) своего климата, в главный имперский курорт — место куда будут стремиться поколения этих самых россиян...

Читая сегодня глубокомысленные рассуждения разнообразных авторов о «рисках» возвращения Крыма (особенно финансовых), следует знать, что еще в 1787 году на эту критику ответила сама Екатерина II, когда писала из Бахчисарая московскому губернатору Еропкину: «Весьма мало знают цену вещам те, кои с уничижением бесславили приобретение сего края». «Приобретение сие важно, — говорила она, — предки дорого заплатили бы за то, но есть люди мнения противного, которые жалеют о бородах, при Петре I выбритых». Вот здесь, пожалуй, — натяжка: вряд ли наши либералы жалеют о бородах. Впрочем, разве что о бороде Кончиты Вурст?

Если же говорить серьезно, то вся эта игра в аналогии показывает нам, что там, где мы часто видим лишь сиюминутные расклады, на самом деле залегают просто тектонические пласты воспоминаний, интересов и противоречий. А это значит, что, невзирая на привходящие обстоятельства и кратковременные договоренности, основная сюжетная линия истории стремится к повторяемости, к некоей устойчивости. А нам необходимо научиться лишь правильно переживать круги перемен. ◆